

Прашкевич Геннадий Мартович, 1941 г.р. Поэт, прозаик, поэт, переводчик, редактор. Родился в ссылке в 1941 году в селе Пировское (Енисейский район) Красноярского края, учился в Томском университете, профессионально занимался палеонтологией в Институте геологии и геофизики в Новосибирском Академгородке, с 1971 – 1983 гг. работал в Западно-Сибирском книжном издательстве (Новосибирск). Редактор издательства «Свиньян и сыновья» (Новосибирск). С

2008 года проводит ежемесячный семинар молодых литераторов в Новосибирске. Публикуется с 1957, автор нескольких десятков книг в разных жанрах. Стихи и проза Прашкевича переводились и издавались в США, Франции, Англии, Германии, Польше, Болгарии, Югославии, Румынии, Литве, Украине, в других странах. Поэтические сборники: «Большие снега» (2008); «Масштаб» (2011) и др.

* * *

Араукария в саду
доисторическом приснится,
встопорщенная, будто птица,
с которой ветер не в ладу.
И этот параллельный мир,
давно описанный Шекспиром,
становится обычным миром,
как и предсказывал Шекспир.
Я остаюсь на берегу,
но начинаю отдаляться
от самого себя, от братства,
спасавшего мой бедный ум,
от снов, тяжёлых, как свинец,
от прошлого, от дальних далей,
от сумасшествия, печалей,

от будущего, наконец.
И на краю безмерных вод
у размываемой отметки
срывается с шипастой ветки
тяжелый и колючий плод.

Гулёна

Село обиженно ворчит:

– Гулёна...

А воздух к вечеру горчит,
как листья клена.

А воздух к вечеру, что тишь
тишайшей ночи.

Ты улыбаешься, не спишь,
не хочешь.

Твой голос тих,
твой голос чист,
твой волос светел.

И за окном твоим горнист
расправил плечи.

Он задыхается, поёт,
а листья клёна
дыханьем осени несёт,
ведь ты –
гулёна.

Я знаю, чем я оплачу
наш август долгий,
когда дожди по сентябрю
вонзят иголки
в шары оранжевых рябин,
и в листья клена,
и в шёпоты твоих рабынь:
– Гулёна...

Как тебе аукнется,
так ему откликнется.

Как тебе покажется,
так ему увидится.

Звёзды.

Ночь.

Сумятица.

Ветер.

Поздний час.

Горы не сдвигаются,
губы не стираются,
недостаток нежности
убивает нас.

Масштаб

От древнего кургана
до гиблого болота;
от чайного стакана
до чаши с позолотой;
от томского забора
до стен горячей Кушки;
от Домского собора
до крошечной церквушки;
от розы искушения
до прозы из трактира;
от мироощущения
до ощущенья мира.

Лебеди

В. Астафьеву

Я видел, как утром,
над серым болотом, кочкарником, марью,
оставив исслеженный красными лапами берег,
сентябрьскую тишь распугав
и привстав над водою,
одна за другой поднимались красивые птицы.
Тяжёлые птицы,
красивые птицы –
обрывками пены,
обломками льдов,
голубым опереньем,
счастливым и белым,
они восходили над марью, над тёмным болотом,
а мы оставались, лишённые крыльев и пенья.
Когда-нибудь в поле,
а может, в машине,
а может, на водах
ударит по сердцу то ль страх,
то ль провиденье смерти.
Так что же мы вспомним?
Любовь? Удивленье? Удачу?
Высокое небо? Иль птиц, рассекающих небо?
Ах, кто это знает? И кто это может увидеть?
Пески осветились и канули в тёмную воду.
А лебеди машут,
и машут,
и машут крылами,
и их отраженья, сияя, плывут над болотом.